

16+

Михаил Балыш

Остров, на котором жить.

Михаил Балыш

**Остров, на котором
жить. Часть первая**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Балыш М. В.

Остров, на котором жить. Часть первая / М. В. Балыш —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

В этом фэнтезийно-эзотерическом романе главный герой, представляющий собой заурядный рабочий класс, обременённый вредными привычками, внезапно оказывается наделён нечеловеческими способностями влиять на окружающую реальность и вносить свой вклад в формирование общества в составе команды скрытого сообщества. Терзаемый сомнениями, он вынужден пройти через потерю сверхъестественных сил и веры в соратников. Главный герой бросает вызов тем, кто негласно формирует действительность, и противостоит им, оставляя за собой лишь след отчаяния и ненависти к своей реальности.

Содержание

Пролог.	6
Глава 1.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

*– Ты был богат когда-то счастья ликованием.
Поведай, отчего твой взгляд потух?
– Скажу, исполнен я тоскою и страданием,
Мой глубоко несчастен Дух.*

*– Ох, как я рад, мой брат, что предан ты стенанью,
Несчастье явлено тебе во всей красе.
Ступай за мной, в наш мир, души опочивальню,
Отныне ты один из нас,
Отныне ты такой же, как и все.*

Пролог.

Столь всемогущее, и вместе с тем столь уязвимое. Воистину, сложно переоценить величие этого, идеально приспособленного к жизни, существа. Со стороны эстетики оно, несомненно, отталкивало, ведь так много предрассудков и реальных предпосылок служат для нас источником предвзятого отношения к этому, бесспорно, во многом превосходящему человеческую расу созданию. Но подвергнув общепринятый стереотип трезвому, объективному суждению, приходишь к справедливому выводу – оно великолепно. Сколько было бы готово отдать человечество, чтобы перемещаться в пространстве с такой же непринуждённой лёгкостью. Чем бы пожертвовал каждый из нас, ради возможности мгновенно реагировать на опасность с той же интуитивной скоростью, принимая решения. Эти качества, в купе с данным людям интеллектом, могли бы вознести человека до уровня подобного божествам, возвеличиваемым нами в греческих мифах. А стоит лишь попытаться вспомнить о вреде, причинённом этими творениями, созданными самой землёй матушкой, во все века занимающими не последнее место в природном балансе, и с изумлением осознаёшь их абсолютную безвредность. Но окружающее нас бездумное общество, укрепляет в нас иллюзорный, беспочвенный, фактически слабо подкреплённый, страх и отвращение. Ах, как же бесконечно жаль, что ничто уже не поможет ему освободиться от пут, связывающих его на пути к свободе. Как нестерпимо больно понимать, что колыбель воздушных потоков более не примет его в свои объятия. И я ничем не могу помочь. Возвращённый стереотипами поколений, обуреваемый яростью и глубоким осознанием справедливости происходящего, я даже не стану прикасаться к той, что так нуждается в моей помощи, к той, что так отчаянно борется со стихией, столь живительной, столь уязвимой и одновременно столь опасной и всемогущей.

«Обречённая на гибель» задышалась, скованная вязкой субстанцией. Её крохотное тельце плавало в непечатом бокале пива уже минуты две, изредка подрагивало крылышко, вероятно примитивное мышление мухи, запрограммированное воспринимать лишь твёрдые и воздушные массы, не могло справиться с постижением изменившейся окружающей среды. Муха пыталась лететь. Она понимала, что гибель близка и пыталась избежать её привычным образом. В руке я сжимал горсть монет, которые даже удвоив своё количество не смогли бы гарантировать мне всякую ёмкость пива в этом и без того самом дешёвом заведении города. Пришедшая вслед за злостью растерянность сменилась отчаянием. Оставалось лишь два варианта развития событий; я потчую организм, скудным количеством адреналина отправляясь, домой на автобусе хордовым длинноухим, тем самым испортив себе самый лучший из тех убогих вечеров, что мне предстояли до дня выдачи суммы месячной стоимости трудового ресурса в моём лице.....

Или.....

Моя рука дрогнула.

А ведь и в правду, чем же вызвано моё, вроде бы и продиктованное здравым смыслом, отвращение? Да, рождённая и живущая в грязи муха по праву является антиподом чистоты. Но если приглядеться мы в стерильности и не купаемся. Постоянный контакт с грязью улиц и дорог, с микрофлорой оставляемой руками бездомных на поручнях общественного транспорта... Интересно как много моих знакомых соблюдают правила гигиены после посещения санузла. Мы дышим грязью, болезни и инфекции подстерегают нас на каждом кубическом сантиметре воздуха. Так, по крайней мере, утверждает Минздрав, призывая нас опустошать кошелёк, оплачивая псевдоспасительные прививки. Завершив обогащение канцерогенами собственных лёгких, затушив сигарету, я понял, что уже ничто не сможет усугубить моё пронизанное болезнями состояние. Моё решение уже не относится только к вопросу об усопшем насекомом, в данный момент я решаю свою судьбу в рамках этого вечера. Моя никчёмная

жизнь ещё может стать празднеством. Рука окрепла. Одно движение и нелепая случайность останется нелепой. Муха не сможет разрушить завершённость этого дня. Только не муха....

Я отодвинул бокал, отгоняя ту дикую и недостойную мысль, что на мгновение захватила моё сознание.

«Я не смогу».

Внезапно передо мной звонко опустилась кружка пенящегося продукта дрожжевого брожения. Это было неожиданно. Рефлекторно я отпрянул как от удара и смею предположить, что где-то в пластилиновых тканях мозга меня покинула пара, тройка сотен нервных клеток. Я лицезрел чудо. На запотевшем стекле мутно отсвечивала низковатная лампа, превращая бокал пива в искусно обработанный янтарь. Медленно стекающая капля воделенного напитка резала матовую поверхность прозрачного стекла надвое, словно волшебник приоткрывший окошко в золотое королевство.

– Я уж было стал помышлять о твоей мягкотелости, мой друг, – пробил басом мои ушные пробки голос надо мной.

Я поднял взгляд, усилием воли оторвав его от стеклянной тары, и увидел широко улыбающегося здоровяка лет пятидесяти, со слегка несвойственной святой добродетельностью в чертах лица для постояльца данного заведения. В его глазах читалось веселье с покровительственным даже ласковым оттенком. Спаситель сел напротив, без приглашения. Меня почему-то не смутило его поведение – тот широкий жест, что он продемонстрировал, обогатив мой сегодняшний вечер, его абсолютная бесцеремонность... Со стороны мы, вестимо, выглядели словно старые друзья, пришедшие в бар в разное время; я просто молчал и смотрел на странного человека напротив меня. Мы выпили за знакомство, несмотря на то что, мы так и не представились друг другу, и судя по развитию событий, и поведению мужчины, это не требовалось. Всё шло к лёгкой непринуждённой беседе двух попутчиков, двух совершенно незнакомых людей оказавшихся одинокими в переполненном пьяной молодёжью баре. Очень вкусное пиво, его вкус, по всей видимости, зависел вовсе не от качества и количества солода, суслу и хмеля, или, что вероятнее всего, количества пивного концентрата в воде. Это был вкус возрождения торжествующей надежды над отчаянием, что уж ныне чахнет, так и не вкусив плод победы.

– Гляжу я на тебя, мой милый друг, и зрею, что терзает тебя жажда задать вопрос великой значимости, да вот видать решимости недостаточно, от чего и сомкнул ты уста свои в терзании душевном... – вымолвил человек напротив и выкрал несколько секунд из моей жизни, израсходовав их на бесполезную картинную паузу.

Но я вовсе не собирался интересоваться тем, кто он такой и с какой конкретной целью подсел ко мне за пыльный стол. Да и вовсе не хотел я даже знать об этом. Невзирая на общеприятный алгоритм действий при социальных операциях в обществе – официальное знакомство и разъяснения обстоятельств его поступка мгновенно разрушили бы странную романтику этой необычной встречи. Я уже хотел было озвучить свои мысли, но незнакомец жестом остановил меня и продолжал:

– ... возможно ты даже и не намерен озвучить конкретный вопрос, кто знает, возможно ты просто дожидаешься того мгновения когда я начну заполнять пространство волнами гортанных звуков несущих миру моё мнение. То самое мнение, которое коснётся той противоречивости эмоций, которая каждый раз сковывает мысли человека при виде упавшего в напиток насекомого.

Я одеревенел. Вот такого начала непринуждённой беседы я нисколько не ожидал. «Он мои мысли читает что ли?». Я открыл было жалюзи своей несвежей пасти, но собеседник опять остановил меня небрежным жестом, слегка наклонился, приближаясь ко мне, и прошептал:

– Мы же не хотим нарушать загадочную романтичность ситуации... не так ли?

Я покорно невольно в мановение ока капитулировал и, не двигаясь, тупо глазел на собеседника, периодически моргая и терпеливо дожидаясь продолжения этого странного, одностороннего диалога. Ситуация походила на сцену из плохого, напичканного трафаретными шаблонами мистического фильма. Хотя, возможно, никакой мистики тут и нет. Если старательно призадуматься, наверняка выражение моего мимически ёмкого лица в этот момент выдавало исчерпывающую информацию, доступную любому зрячему, подобно объявлению, напечатанному большим жирным шрифтом.

– Вероятнее всего, – тоном преподавателя в средней школе продолжал загадочный попутчик. – Как минимум восемьдесят процентов присутствующих одобряют твоё решение и в единогласии поддержат тебя в твоём, по их уразумению, достойном и высокоморальном поступке. Остальные двадцать, кстати, тоже вряд ли поспешат пригвоздить твои бранные конечности к деревянным балкам, хотя однозначно поступили бы иначе в образовавшейся ситуации. Кто-то даже, подобно мне, угостит тебя бокальчиком пивца за героизм. Но будут ли они правы? Чем же обусловлена всеобщая брезгливость в отношении несчастного условно синантропного инсекта? Почему общество так сильно презирает мух, но с таким почтением относится к голубям?

Последняя фраза просто ввергла моё сознание в абсолютный хаос растерянности. «Голуби-то тут причём? Благородные красивые птички. Да, бесспорно, вся их жизненная функциональность сводится к поглощению пищи и мгновенному её перевариванию, оставляющему лишь следы птичьей жизнедеятельности на асфальте, но сравнить их с грязным насекомым, это, на мой взгляд, уже слишком». Попутчик продолжал многозначительно вещать:

– Знаешь ли ты, мой милый друг, что в советское время голуби были ощутимой масштабной проблемой. Не такой, как раздутая средствами массовой агитинформации эпидемия свиного гриппа, курируемая финансируемыми капитализмом маркетологами, а проблемой исторически закреплённой не только в информативных ресурсах на страницах выдуманных книг, но и в реально существующих регистрах. В конце пятидесятых, в начале шестидесятых годов существовала сильная угроза пандемии «Орнитоза» – тяжёлого заболевания, с высокой вероятностью летального исхода, разносчиками которого были дикие и домашние птицы, в том числе и наши обожаемые, крылатые символы любви и мира. Уже с начала пятидесятых в Европе регистрировались случаи семейной вспышки «Орнитоза», дарованной невероятно щедрыми на инфекции домашними вестниками небес. Полюбившиеся же диким голубям мусорные баки, в которых они вили свои гнёзда, обогащали их всевозможным спектром разнообразной заразы. И ни в коей мере не уступали той среде, в которой рождается муха.

Незнакомец слегка привстал, экспрессивно вскинув руку с торчащим вверх толстым указательным пальцем:

– Таким образом, прибегнув к трезвому, объективному и беспощадному логическому анализу, мы рушим пьедестал, на котором нежится лицемерная птица мира и низвергаем её до уровня грязного, вызывающего спазмы пищевода, но по-настоящему искреннего, опарыша, – попутчик явно был ужасно доволен собой, он даже не улыбался, он мерцал изнутри. Так, наверное, когда-то выглядел Ньютон, открыв закон всемирного тяготения. – Но общество, транжирящее свой интеллект на мыльные оперы, день за днём, охотно осуществляет контакт с существом, которое при встрече с мухой не пожимает ей волосатую руку лишь в связи с тем, что гонимое обществом насекомое не имеет оной.

Он уселся и залпом осушил свой бокал. Взглянув на мой, сказал.

– Да ты пей, пей своё пиво, а то ведь нам торопиться надо. Не оставишь же ты не опорожнённый бокал. Этот то, с инсектом, всё равно кто-нибудь да выпьет, а вот чистое пиво не пристало оставлять на растерзание черни.

– Что-то я колеблюсь от сумбурности происходящего. Куда торопиться то? – спросил я, и сам удивился своему голосу, давненько я его не слышал.

Мой необычный попутчик крепко стиснул одну из век и ответил, что своим, вполне уместным, но аннигилирующим эффект неожиданности любопытством я расшатываю, грозно нависающий над сюрпризом Дамоклов меч. «Ох и любит же он, судя по всему, пафосные речи!». Следующие несколько минут он рассуждал на тему доминирования мухи над человеческой расой при условии равной интеллектуальной развитости. Попутно он подгонял меня, так что мне пришлось буквально залить в себя ледяной пенящийся напиток. Так я пивасиком и не насладился. «Боюсь сегодня не судьба». Остаётся надеяться лишь на то, что сюрпризом будет, опять же, хмельное варево и возможность неспешного его смакования.

Когда мы выходили из бара я заметил, что мой попутчик и вправду очень торопится, он бросил тревожный взгляд на часы и сказал, что надо спешить, в противном случае, опоздаем на весь сюрприз. Мы быстро пошли по, напичканному людьми, тротуару. Пару раз мы налетали на идущих в противоположную сторону пешеходов, принося извинения мы шли дальше. Поток людей давил настолько, что я отстал не очень сильно, но достаточно чтобы периодически терять из виду силуэт того, кто меня вёл к неведомому сюрпризу. Подходя к центральному вокзалу, мой новый знакомый слегка задел мимо проходящего парнишку лет двадцати, тот пошатнулся и, возмущённый бросился в след за ним. Наблюдая за происходящим со стороны, я слегка удивился поведением того парня, он явно был воинственно настроен, но при этом в значительной мере физически уступал попутчику. Правда, я не сразу заметил то преимущество, которое резко увеличивало его шансы и демонстрировало полное отсутствие оных у моего товарища. Парень был не один. И группа поддержки у него была крайне внушительная. Цепочка из десяти человек, примерно одного возраста решительно приближалась к попутчику, и я с ужасом понял, что одной лишь поддержкой они не ограничатся, каждый захочет внести свой вклад в воспитание «зарвавшегося мужичка». Обидчик будет отмщён, всеми сразу и каждым по отдельности. Я попытался идти быстрее, рвануться к ним, приблизиться, что бы в нужный момент оказать помощь, однако толпа как будто нарочно стала сгущаться, казалось, что люди замедлили свой шаг и стали в два раза толще. Я, правда, не знал, чем смогу помочь, но стоять в стороне тоже намерен не был. Расталкивая локтями пешеходов, я пробивался к цели, уже понимая, что мне не поспеть за стремительно развивающимися деструктивными событиями. Мальчишка крикнул что-то неразборчивое и, не дожидаясь реакции Попутчика на слова, тщательно размахнувшись, ударил его кулаком в район поясницы.

Толпа не сразу осознала, что происходит у неё пред припудренным бытовыми отягощениями носом.

Когда уровень воды в реках падает, порой рождаются острова, небольшие такие, реке приходится огибать их, но не останавливаться, никогда не останавливаться.

Поток из непрерывно движущихся человеческих тел стал огибать препятствие, когда моего товарища уже били ногами, периодически сменяя друг друга, не ведающие жалости, малолетние отморозки. Чётко и без лишних слов, лишь изредка выкрикивая дежурные бластные фразы, они втапывали человека в тротуар. Будто соревнуясь меж собой, каждый из них пытался ударить сильнее, нанести максимальные увечья, если понадобится – убить, но быть лучшим в этом субкультурном состязании. Их тупые лица пытались изобразить гнев, но я отчётливо в них видел только радость и глубокое удовлетворение. Маскируя жестокость под личиной ущемлённого самолюбия и стремления отомстить за друга, шпана банально развлекалась, тешила свою кровожадность и множила чувство эйфории, рождённое осознанием собственного всепобедности. Один из сволочей повернулся ко мне и я, на мгновение поймал его взгляд, этот парень был счастлив, по-настоящему счастлив.

Как может быть счастлив мужчина услышавший «ДА», от любимой женщины, или счастливчик, выигравший в лотерею круглую сумму, или студент, сдавший успешно последний экзамен, осознающий, что впереди лишь безудержное веселье и свобода. Отморозок ликовал. И

он не стремился сдерживать в себе эти чувства, или пытаться их скрыть. Зачем? Его всё равно уже никто не накажет. Я решил начать с него.

Мчась сквозь холодец людских телес, не останавливаясь ни на мгновение, расшвыривая в стороны бездушные оболочки, я налетел на малолетнего линчевателя, взял его за руку, посмотрел в лицо, где эмоции тупого наигранного возмущения начали было сменять веселье и сломал её чуть ниже плечевого сустава. Я чётко расслышал хруст. Треск ломающейся кости под кожей. Я узрел в глазах страх, боль и шок, непосредственно до того, как я услышал его пронзительный крик. Ох, как же он кричал. Я словно впитал разрушающую энергетику этого паренька. Ту, что рождается в душе человека настоящими страданиями. Я окунулся в ореол мук и ужаса, окружающий содрогающееся тело молодого садиста. Я почти увидел искрящиеся всплески энергии, истоком которой была острая, лишаящая чувств, эмоций и осознания окружающего мира, боль. Я вкусил её и наслаждался ею. «Подожди немного, я скоро вернусь».

Я развернулся к компании растерянных детей и стал бить. Я даже не уворачивался и не блокировал их удары, я просто наносил точечные увечья. Я выстреливал своим телом с невероятной скоростью. Я бил целенаправленно, с движением твёрдой мысли, с каждым ударом круша кость или приводя к внутреннему кровоизлиянию, но я был ювелирно аккуратен, моей целью было держать их на ногах. Мне не хотелось заканчивать это, мне было слишком хорошо, чтобы позволить этому так быстро завершиться.

Я вовсе не испытывал чувства ненависти к ним, ненависть всегда была чувством произраставшим из бессилия.

Его испытывают пенсионеры в отношении коррумпированной власти; его испытывают, когда застают супругу за изменой, с сильно превосходящим в физическом плане мужчиной; его испытывают к мухе, барахтающейся в горьковатой пене любимого напитка. Сейчас же я чувствовал лишь ярость и презрение, разбавленные пьянящим чувством торжества справедливости.

На измазанной кровью чёрной брусчатке осуществляли слабые телодвижения девять искалеченных тел. Всё происходило у стен торговой точки клишированной женской одежды. И малолетняя сволота, та самая, которой я в начале самом обезвредил правую верхнюю конечность, оставленная мною на десерт, держась за сломанную руку, в неестественной позе, жалась к двери прямо у надписи «Скидка 50%». Я решил, что парень перенёс достаточно сильный стресс – вряд ли у него в душе сейчас есть место даже для ненависти. Всё заняли боль ужас и бессилие, какое только возможно, он и не испытывал никогда ранее, стоит сделать ему скидку. Я свернул ему шею, легко, с той непринуждённостью, с которой я пробиваю бумажный билет в общественном транспорте, без особого желания, но и, не вступая в конфликт с моим внутренним «Я». Этого мальчишку уже не изменить, он уже никогда не станет полноценной частью общества, он не нужен, нет, он вреден для общества.

Личный высокодеструктивный крестовый поход был завершён, адреналин высвобожден из организма крупной дрожью во всём теле, и только сейчас я увидел, что вопреки законам природы, по неестественным причинам, река вдруг остановилась. Толпа пялилась на меня бесконечной грядой немигающих глупых глаз. Все ждали продолжения. И я ждал. Всё это было слишком неестественно. Толпа знала – то, что сейчас произошло, нарушает привычное положение вещей. В лучшую ли, в худшую сторону? Ужасная правда жизни, вещающая о несправедливости и повседневной жестокости, не принятая многими, но такая привычная, рушилась, открывая перед обществом другую форму той же жестокости, в связи со своей невероятностью, никогда не рассматриваемую с точки зрения морали. Десятки растерянных лиц застыли, обращённые ко мне. Да, я искалечил и убил, да, самостоятельно вершил правосудие, может ли брать на себя такую ответственность человек вроде меня, как далеко я зашёл за рамки осязаемого пожухлыми нитями восприятия людской логики. Толпа готовила вердикт, а я в растерянности стоял посреди островка, омываемого рекой прекратившей свой бег. Я ведь тоже

ничего не понимал. Не мог я справиться со стаей молодых энергичных парней. Я не вспотел даже. Сомневаюсь, что мои, несомненно, скромные бойцовские навыки были определяющим фактором этой схватки, что-то мне помогло. Со спины подошёл мой таинственный попутчик, я обернулся и продрожал голосовыми связками, обращаясь к нему:

– Может, пойдём отсюда, а то уже опоздали небось?

Мне хотелось сбежать, спрятаться подальше от сотни глаз, в которых отражалось неуверенное осуждение. Попутчик положил руку мне на плечо и улыбнулся, так живо и беспечно, словно и не его только что месили десять пар спортивной обуви.

– Нет, Боря. Успели, как раз вовремя успели.

Глава 1.

И всё-таки безумно интересно. Как же невероятно ярок контраст. Насколько человек возвышается над животным миром в своём интеллектуальном превосходстве, настолько же он абсолютно теряет свои позиции, когда ключом к выживанию становится мифическая интуиция. Человеческое сознание вестимо слишком долго было рабом логического анализа и теперь, в ситуациях, требующих незамедлительных действий, теряется, блуждая в степи медлительно раскачивающихся дебрей рационализма, теряя драгоценные спасительные секунды.

Юная и, по современному обыкновению, интеллектуально активная, но всё же ветреная студентка педагогического факультета уже могла мчаться по направлению к очагу, успешно аннигилируя потенциальный факт соприкосновения с двумя полупьяными насильниками, но никак не могла решиться на это. Электрические импульсы в её очаровательном сыром черепном коробке по обыкновению сновали в левом полушарии и задавались резонными, но дурацкими в данной реалии, вопросами:

– Достаточной ли величины зазор между нами?

– Достаточно ли быстро я смогу бежать, чтобы не быть схваченной и зажатой в угол вновь?

– Какова вероятность того, что обидчики не прикончат меня, расвирепев от неповиновения жертвы?

С каждой подобной мыслью девушка приближала свою безрадостную участь. Но мозг продолжал отрабатывать свою норму, не позволяя объективному природному чутью возыметь верх и спасти её. Несмотря на явную симпатию к интуиции со стороны инстинкта самосохранения, самодовольный, беспринципный, привычный всегда доминировать, интеллект, не желал отступить. И он будет вынужден сдаться лишь тогда, когда осознает нерешимость задачи. Когда уже ничего нельзя будет сделать. Когда будет уже слишком поздно.

Я предавался созерцанию этой потешной сцены из-за угла той стены, у которой происходил этот занимательный этюд. Потешно, аж до коликов в животе. Умненькая девочка, слишком уж умненькая, пожалуй. В этом то и беда. Вероятно, хорошие оценки имеет. Судорожно сжимает украшенными перстами новёхонькую сумочку, на стипендию купила видать. Родители, скорее всего, гордятся безмерно. Эх, как же им сейчас повезло, возможно, даже больше чем ей.

А я не торопился. Размышляя над манерой выполнения работы, я всерьёз призадумался. Грубые расправы уже давно перестали хоть сколько удовлетворять мою пресыщенную подобным жемчугом гнилоствую сущность.

Душа жаждала момента неожиданности, сюрприза, бури эмоций. Я хотел творить, создавать черты величественного изваяния, подобно банальному Микеланджело, отсекая, как утверждал творец, лишь то в чём нет органичного симбиоза с творческим приоритетом.

Решение пришло совершенно внезапно. Я в деталях представил себе предстоящие манипуляции и сосредоточился. Вот и настал тот момент, когда мне пригодятся знания строения головного мозга, что вложил в моё сознание Попутчик. Я мягко, ненавязчиво проник в сознание мужчин, на всякий случай, отключив и соматосенсорную кору мозга, локализирующую болевой сигнал на теле, и переднюю поясную, отвечающую за стрессовую оценку боли, слегка притупил остальные корковые отделы чувствительности и начал творческий процесс.

Тут было необходимо задействовать телекинетическую медитацию, с которой я испытывал некоторые трудности. Очень сложно на расстоянии двигать то, что не видишь. Я расслабился и погрузился в состояние полусна. Теперь можно начинать. Лишив насильников детородных органов, я оставил уже не опасные части их телес болтаться в не стиранных подштанниках. Пришлось отключить работу осязательных рецепторов кожи в паховой области. А то ведь можно весь сюрприз испортить. Я сразу заживил раны и, уже для своего удовольствия, придал

им форму характерную для физиологии жениха Барби. Вернув сознание мужчин в их полное распоряжение, я коснулся мозга девушки и на время затормозил работу коры левого полушария, дав, таким образом, инстинктам преимущество над программным мыслительным процессом. Вот и всё.

Героизм, вызволение, овации.

Я развернулся и неспешно двинулся вдоль улицы. Пройдя шагов двадцать, я услышал, обильно сдобренные матом, крики одного из мужчин и быстро удаляющиеся звяканья по асфальту бегущих босых стоп.

Вот ведь молодец интуиция! Мгновенная реакция, даже туфельки сбросила для большей скорости. Нет, не в рационализме сила – в шестом чувстве она, родимая.

Мы называли себя «Арментарии», производное от латинского слова означающего «Пасущие». В нашем сообществе было более ста тысяч человек по всему земному шару.

Почти что во всех больших городах мира, в ночное время суток мы выходили в патруль. Не нуждаясь в физическом отдыхе, с восходом солнца, каждый из нас, по желанию, мог вести образ жизни, предшествовавший моменту «раскрытия Таланта». Были определённые ограничения, связанные с секретностью предприятия, но они не тяготили. Качество жизни перешло на совершенно иной уровень. У нас была цель, работа которую мы любили, и, что уж тут греха таить, нам была дарована реальная власть – такое порочное и столь упоительное чувство, навеки приковывающее к себе любого, единожды вкусившего его. Ментальная мощь, бушевавшая в нас непрерывным круговоротом, заставляла почувствовать себя всемогущими титанами. Концентрировано направленная в необходимом направлении, сила мысли, порожидала чувство экстаза каждый раз. Мы находились на огромном возвышении над всеми системами контроля, созданными обществом. Мы попрали религию, закон, мы пренебрегли моралью. Мы вознеслись над всем миром.

Уже полгода как я входил в число «Пасущих». Я с неожиданной лёгкостью оборвал практически все свои связи с прошлой жизнью, отдалился от всех, когда-то близких мне людей. Я поддерживал отношения лишь со своими родителями, пусть они были обычными людьми, но для меня они всегда оставались хорошими людьми, которых я любил и уважал по-настоящему.

Мне пришлось резко отказать себе в употреблении алкогольных напитков и перестать вкушать любые всевозможные дурманящие ум средства, включая табачные изделия. Это оказалось несложно, я не тосковал по навязанному капитализмом угару, это было частью моего прежнего жалкого существования, не имевшего ныне ничего общего с моим настоящим «Я».

Запрет на допинг носил в себе чёткое, подкреплённое логикой и прецедентами, объяснение:

В наших силах было изменить окружающий нас мир одной лишь мыслью. Пусть не сильно, но опустив барьер, отупев от наркотика, хаотичные желания, приправленные низменными инстинктами, могли нанести серьёзный ущерб неповинному обществу. Операция по «раскрытию таланта» базировалась именно на таком принципе замедления мыслительного процесса, с возможностью активировать интуитивные и скрытые за подкоркой мозга способности человека. Зачастую использовался алкоголь. Стимулируя выброс адреналина в кровь, путём моделирования ситуации, заставляющей объекта испытать так называемый «Праведный гнев», куратор будит спящую, в глубинах подсознания, силу, склоняя её к сотрудничеству с рассудком. Обычно пробуждение представляло собой тонкую струю бьющейся энергии, протекающую по руслу ярости. Потому моменты «раскрытия Таланта» часто сопрягались с жестокостью и разрушительными последствиями. Что же может произойти, если полноценный и уже давно бодрствующий «Талант» отдать во владения опьянённого инстинкта.

Наша деятельность была заключена только в одни рамки – невинные должны быть спасены, виновные должны быть наказаны. Мы на самом деле считали себя прототипами супер-

героев. Одна лишь разница была между нами и вычурными образами, представшими пред нами на страницах комиксов – наша работа грубее, чётче и без ненужного пафоса. Копируя классический имидж мстителей в трико, мы бы сразу же раскрыли себя. Афишировать нашу деятельность в ночное время суток стало бы неверным шагом. Ведь заставив потенциальных преступников бояться и действовать с опаской, мы, таким образом, снизили бы вероятность их обезвреживания. Мы поступали мудрее, наше неведомое присутствие было намного продуктивнее действий любого вымышленного персонажа.

За прошедшие полгода я смог справиться с чувством агрессии в себе и перейти к превентивному вмешательству. Я более не искал стычек с местной шпаной и асоциальными личностями, я лишь устранял физиологический аспект, с помощью которого они могли причинить вред. За это время я вырос, во мне развивался «Талант», открытый Попутчиком во время бойни у магазина женской одежды. Но, к сожалению, и у «Таланта» были свои границы, к которым я неумолимо приближался.

Позволив интуиции следить за окружающим миром, я медленно плёлся по тротуару, разглядывая брусчатку, плывущую подо мной. Фонарные столбы тускло освещали улицу, надменно полагая, что справятся с этим лучше, чем лунный свет.

Несмотря на все преимущества моей сегодняшней жизни, со мной происходило нечто странное, даже пугающее. Я начал сомневаться. Всё чаще я задумывался о целесообразности наших действий.

«Только шесть месяцев своей жизни я чувствую себя полезным. Не так давно я понял, к чему я стремлюсь и что меня вдохновляет. Что же меня терзает? Что заставляет задуматься о правильности происходящего? Почему, как и в прошлой жизни, я испытываю тоску и сожаление. Может быть, мой дребезжащий при каждом шаге холодец в башке и вовсе не способен подчиняться каким-либо социальным моделям? Может быть, я просто не способен принять данную судьбой возможность себя реализовать, может быть, я не достоин подарка, который мне так щедро предоставила жизнь. Я неправильный. В нашем городском филиале работают пятьдесят три мне подобных, и каждый из них доволен и благодарен за то, что он способен пережить. Почему я снова, как и прежде колеблюсь меж признательностью и осуждением? Словно инвалид, благодарный, но неудовлетворённый. Что заставляет меня сомневаться в правильности наших общих мотивов?».

Приближающегося ко мне Виктора Сероверова я заметил уже минут десять назад. ореол «Таланта» вокруг него был настолько ярок, что даже обычные люди ощущали какие-то энергетические изменения, находясь рядом с ним. В свою очередь моя аура была настолько скудной, что, порой, мои сослуживцы проверяли меня досконально, перед тем как осуществить контакт. Меня это задевало, ведь я не был худшим из всех. Витька нарочито начал беседу с кодовых слов, шуточно, демонстрируя шаблонное чувство юмора, пытаюсь задеть меня за живое.

– Луна благоволит, – явно нарочно сказал он подходя.

– А день освобождает, – ответил я, незаметно приподнимая камень у него на пути, учитывая траекторию его движения, через мгновение он должен был споткнуться.

Мы с Виктором Кузнецовым начали тесно общаться с момента моей инициации, в связи с тем, что наши патрульные зоны тесно соприкасались. И в этой связи он прекрасно знал, что от меня можно ожидать, ведь уже неоднократно мы оба были жертвами подобных шуточных выходов со стороны друг друга. Легко перепрыгнув через булыжник, он двинулся дальше ко мне на встречу.

– Как всегда кислый? – поинтересовался Витька. Он знал о моих сомнениях, но не считал это причиной для переживания. Примерно раз в полмесяца мой мозг начинал сбоить, каждый раз груда противоречивых мыслей обрушивалась именно на Виктора и каждый раз он с юмором встречал мою шизофрению.

– Витёк, а не поведаешь ли ты мне, возникали ли у тебя ощущения какой-то фальшивости всего того, что с нами происходит? – спросил я. Уж не в первый раз я обращаюсь с подобными вопросами к моему соседу, каждый раз в надежде услышать что-нибудь что могло бы заставить меня окончательно обрести веру в значимость происходящего. Витька был опытным Пасущим, состоявшим на службе уже более трёх лет и, за счёт более глубоких познаний в нашем деле порой мог забросать меня достаточно весомыми аргументами в пользу нашего сообщества, но увы, необъяснимая тоска возвращалась, с каждым разом всё скорее. Я не унимался, продолжая уж давно начатый диалог: – Вот посуди автономно друг мой. Попутчик говорил нам что институт «Арментарии» это – конечная стадия эволюции человека, но я всё никак не пойму, почему же мы прячемся в подворотнях и отпугиваем карманников? Мы втихаря убираем мусор, делаем всё возможное, чтобы соседствующие с ним нечистоты того же уровня ничегошеньки не заметили и продолжали действовать в рамках собственного суждения мироздания, где им дозволено всё. Наши действия. Невзирая на потенциал, являются точечными, в то время, как самое время сделать их глобальным явлением.

– Боря, я бы с невероятным удовольствием проигнорировал твою реплику, но знаю, что ты не успокоишься, – он тяжело вздохнул и продолжил. – Слушай меня внимательно, во мне ещё теплится надежда, что до тебя когда-нибудь дойдёт: «Арментарии» есть существа подобные людям, но превосходящие их в ментальном совершенстве. Подобно процессу взросления, когда юноша перестаёт быть ребёнком, а мужчина перестаёт быть тинэйджером, мы перестаём быть людьми. Любой «Пасущий», со временем осознаёт свою силу и возможности. Вместе с ними он осознаёт чувство ответственности перед человечеством, не способным самостоятельно защитить себя. Спасая от гибели развитых и перспективных особей, мы способствуем дальнейшему развитию цивилизации. Устраняя дивиативный генофонд, мы снижаем вероятность появления в обществе нездорового поколения. Мы могли бы называть себя «Пастыри», но ввиду библейского значения этого слова, и грубости нашей методики, мы нарекли себя «Арментарии». – Витя вопросительно глянул на меня – есть вопросы?

– Да, конечно есть, – вспыхнул я. – Я уже десятки раз слышал это определение воткнутое в наш мозг силами Попутчика и каждый раз это будит в моём сознании прикорнувший, но вполне логичный вопрос: да что же мы в своём величии и великолепии сидим ровно на жопе и размениваемся на мелочь? Мы же многочисленны, мы всеильны, почему бы нам не изменить мир к лучшему? Почему бы нам не сокрушить баланс добра и зла? Что нам мешает? Институт «Арментарии» готовит не пастухов, а сторожевых овчарок при них.

– Отлично, сегодня ты оригинален, мне даже интересно. – Мой товарищ снисходительным скучным тоном, без особого интереса, не прекращал лёгкими движениями парировать мои неумелые выпады. – Раз уж ты обратился к подобным аналогиям, я попробую ответить тебе, исходя из примитивных определений схожим образом: исконно «овчарки» это общее название ряда пород служебных собак, исторически использовавшихся как пастушеские собаки, помощники овчаров. В обязанности данной породы собак входило удерживать овец в пастбище и защищать их от нападения хищников, чаще волков. Мы не подходим под данное определение, потому как, в первую очередь мы не удерживаем их на одной поляне, мы позволяем им двигаться вперёд, развиваться, и, по сути, у нас нет волков, от которых приходилось бы защищать людей. Мы ограждаем их друг от друга.

– Витька, уже демагогия какая-то пошла, ересь схоластическая. А как же «*Homo homini lupus est*»? В этом случае моя, правда.

Витёк, взглянул на меня исподлобья, в очередной раз устало выдохнул и сказал.

– Боря, родной мой. Как же ты достал меня. Ты же сам знаешь, «Арментариям» более двух тысяч лет, когда-то эти правила и нормы были приняты как наиболее оптимальные. Мы не знаем, были ли попытки подобных тебе изменить мир глобально, но мы знаем, что даже Иисус – звезда эстрады, не позволил себе вольностей, о которых говоришь ты. Может быть, его

поколение ещё помнило о катаклизме, обрушившемся на землю после, воспеваемого тобою, полномасштабного вмешательства. Пойми, мы не знаем что будет, если всё произойдёт по-твоему. Но мы уверены, что наши деяния благие, мы несём добро, пусть своеобразное, жестокое, но всё же, добро, и то, что мы даём миру безопасно.

Мы замолчали, и какое-то время шли рядом, не разговаривая. Я обдумывал слова Витька, он же позволял мне спокойно переварить всё услышанное. Краем глаза я заметил, судя по одежде, обеспеченного, но безобразно пьяного мужчину, который, сосредоточенно разглядывая дорогу перед ним, двигался в сторону дома. Я мысленно накинул на него колпак невидимки. Теперь местная шпана просто перестанет его замечать. Достигнув убежища, колпак пропадёт, и если на пороге его встретит разъярённая супруга, это уже не мои заботы.

Внезапно Витёк напряжённо, всем телом замер и как будто бы прислушался к ощущениям внутри себя.

– Ты чего это персты свои скрючил в немой паузе? – заметив молчаливое окаменение друга, спросил я.

– Ты серьёзно не чувствуешь? – удивился он, похоже, что интуиция Виктора ухватилась за какие-то энергетические вибрации, предвещающие нечто опасное. – Быстро ускоряйся, – велел мне Витёк, – что-то происходит. Я ещё не могу понять, что именно, но нам надо торопиться.

– Я ничего не чувствую, – сказал я честно пытаюсь в спешке тщетно настроить чутьё на экстрачувствительность.

– Не время для сосредоточения, – крикнул Витька. – Ускоряйся!

Я с нескрываемой тревогой во взоре пялился на друга, но не смел перечить. Приверженность к негласной субординации выбивала из меня любые пререкания.

Реальность содрогнулась...

Ускориться, означало привести мышечную систему организма, реакцию мозга и восприимчивость интуиции к опасности в боевой режим. В данном состоянии Арментарий становился сильнее и быстрее в десятки раз, порог возможности организма возрастал до небес, физический потенциал был практически неограничен. Ускорение заняло не более секунды и мы с Витьком рванулись с места, с нечеловеческой скоростью, оставляя на асфальте паутиновый узор из трещин.

С каждым ударом ноги мы двигались всё быстрее, создавая иллюзию того, что не мы бежим по земному шару, а силой движений заставляем его подчиниться нам и вращаться под нашими телами подобно беговой дорожке. Мы перемещались со скоростью, неподвластной современным технологиям. Здания мелькали, сплошной стеной, проносясь мимо нас. Прочтя название одной из многочисленных улиц, я тут же забыл его, ненужная информация. Мы продолжали двигаться по направлению к источнику тревожного сигнала, нарушая все законы природы и физики, заставляя мир съёживаться и деформироваться, бессильно подчиняясь мощи Арментариев.

Витька прибыл на место первым. Мне до сих пор не удавалось почувствовать что-либо, и я просто следовал за ним. Мы остановились в ста шагах от заброшенного шестиэтажного здания. Видно было, что предпринятая реновация жилого дома остановилась уже очень давно, вокруг были разбросаны неиспользованные, пришедшие в негодность стройматериалы. Что же заставило нас примчаться сюда? Казалось, мой напарник тоже потерял ориентир.

– Где-то здесь, – сообщил Витёк. Он не мог конкретно локализовать источник, потому как находился в боевом режиме. В моменты опасности важнее всего сохранять состояние ускорения, чем концентрировать ментальную силу. Сосредоточение ослабляет защитные механизмы нашего тела. Несмотря на всю мощь Пасущих, стоило всегда помнить, что наша плоть смертна.

К зданию начали прибывать другие. За считанные секунды стройку окружили по меньшей мере двадцать патрульных с соседних участков. Я знал их всех, мы часто собирались для лекций проводимых Попутчиком, в целях всеобщего развития. Прибывшие в спешке восстанавливали силы после проделанного пути. Было заметно, что все они, как и мы, не имели ни малейшего представления о том, что должно произойти.

И тут я увидел нечто странное, тревожное и врезающееся в мозг раскрасневшейся иглой тревоги. Озарение коснулось сознания мгновенно и неожиданно. Я отчётливо ощутил то, что нас всех сюда привело. Я заметил ловушку, подготовленную для нас, я видел её так же явственно, как и неоконченную, но уже дряхлую постройку перед нами.

«Как же так? Что вообще здесь происходит? Неужели мы попали в западню? Кто-то, банально и грубо отлавливает нас для расправы? Но это же невозможно!» Я растерялся ещё больше, когда по глазам участвующих понял, что я единственный из всех кто, это почувствовал. В моём сознании вырисовывалась картина, отображавшая нашу обречённость. Никому из нас не спастись. Никто уже не уйдёт живым с давно заброшенной строительной площадки.

Прошла секунда. Нет возможности и времени перестраиваться на увеличение амплитуды мозговой активности, я попросту не успею передать сигнал тревоги своим сослуживцам. Что же делать? Я не видел всплесков биоэнергетической активности где-либо в здании, источник опасности был намеренно скрыт от нас. Но он должен был быть где-то там. Где-то, в одной из пыльных, давно покинутых людьми, комнат. Где-то, в стенах ветхого строения, наблюдающий за нами, подло уничтожающий тех, кто несёт добро.

Прошла вторая секунда. Мой мозг метался в поисках решения. Я понимал, что мне не удастся спасти своих внезапно ослепших коллег, но возможно я смогу спастись сам, возможно отомстить. Мысли об обороне развеялись, так и не успев занять прочное место в сознании. Расчёт на результативность атаки был ничтожен, но, похоже, это был единственно верный ход. Я увидел, что мы уже не стоим на земле. Нас незаметно поднимало силовое поле, подчиняющееся неведомой силе. Двадцать три Арментария, занятые регенерацией организма после аварийного ускорения, сами того не замечая, парили в трёх десятках сантиметров над земной поверхностью. Придав их телам предельную скорость падения, невидимый противник легко ломает им позвоночники. Болевой шок Пасушего не будет долгим, секунд пять, но этого вполне достаточно для заключающего этапа расправы. Всё происходило слишком быстро, даже для нас. Мгновения обрели цену. Каждый миг, затраченный на бесплодный логический анализ, отрывал жирный кусок от истерзанной плоти, обессиленной надежды на спасение, возможно у меня оставались лишь доли секунды. Я пытался остановить бесконечное, хаотичное, тщетное метание мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.